

18+

АВТАНДИЛ ХАЗАРИ

ГРАНИЦА НОЧИ

РОМАН В НОВЕЛЛАХ

Автандил Хазари

Граница ночи. Роман в новеллах

«Издательские решения»

Хазари А.

Граница ночи. Роман в новеллах / А. Хазари — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831438-4

Им выпало жить на границе эпох. Ныне их век считается зарёй Нового времени. Но для них он — начало долгой сумрачной ночи.

ISBN 978-5-44-831438-4

© Хазари А.
© Издательские решения

Содержание

Инкубата	6
Урод	9
Трон	14
Симпозиум	20
Археус	27
Интендант	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Граница ночи

Роман в новеллах

Автандил Хазари

© Автандил Хазари, 2016

ISBN 978-5-4483-1438-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«О, это есть самая возвышенная мысль из всех: если я приму на себя эту возвышенную задачу, я не буду в состоянии никогда её окончательно исполнить; и поэтому, если принятие этой задачи составляет действительно моё назначение, я не могу никогда перестать действовать и, следовательно, никогда перестать существовать. То, что называют смертью, не может внести перерыв в моё дело; ибо моё дело должно быть совершено, а потому и не определено время моего существования, и потому я вечен. Приняв на себя эту задачу, я вместе с тем приобщился вечности. Смело поднимаю я свою голову к грозному скалистому хребту, или неистовому водопаду, или к гремящим, в море огня плавающим облакам, и говорю: я – вечен и я противлюсь вашей власти. Свергнитесь вы все на меня, ты, небо, и ты, земля, смешайтесь в диком хаосе, и вы, все элементы, свирепствуйте и бушуйте, и сотрите в дикой борьбе последнюю лишь в луче солнца заметную пылинку того тела, которое я называю своим, – моя воля со своим твёрдым планом отважно и спокойно будет витать над развалинами вселенной, ибо я принял на себя определённое мне назначение, и оно продолжительнее, чем вы; оноечно, потому и я вечен...»

Иоганн Готлиб Фихте

Инкубата

Улица то сужалась, то расширялась, но идти по ней всё равно было тяжело: ноги вязли в зловонной жиже из грязи и помоев. Содержимое ночных ведёр выливалось на улицу как раз в то время, когда я шла на рынок, и летнее солнце, наконец выглянувшее после трёх дней мелкой мороси, создавало завесу из бьющих в нос и кружащих голову испарений. Выбора не было, приходилось идти сквозь неё, ведь на другой улице, тоже ведущей к рынку, уже наверняка грел свои прогнившие кости старый Бруно, вечно восседавший возле лавчонки и хватающий прохожих за всё, к чему успевал дотянуться. Выносить алчные прикосновения, которыми он норовил наградить мимошедших, я не могла.

Подступы к базарной площади были забиты народом. Поиздержавшиеся за дни дождей горожане явились за пополнением запасов еды, и в образовавшейся толпе нужно было глядеть в оба: все воры были сегодня здесь, чуя богатый улов. Весь местный сброд тоже явился сюда, кто просить милостыню, кто развлекать публику своими искусствами, кто распускать руки, а кто и просто глазеть. Я закрыла лицо платком, ведь было легко заразиться какой-нибудь болезнью, а этого мне приходилось избегать всеми силами: казалось, ребёночек удерживается внутри меня только на тоненькой ниточке да на молитве Господу. Любая хворь могла оборвать эту нить, единственное, что скрепляет его со мной и с жизнью.

Я шла, и никто не обращал на меня внимание. Разглядывая рассыпанные в изобилии товары, я искала самые яркие, наполненные солнечным светом, посылающим с неба здоровье и силу. То, что даст мне крепости. Мне и моему будущему сыну. Долго разглядывала я каждый овощ, стоя чуть поодаль, прежде чем приблизиться и положить на него руку, ощупать, словно биение крови на запястье. Так подошла я к одной гряде, стала трогать, разглядывая прожилки, как вдруг рядом опустилась старая сморщенная рука. Не смея поднять глаза, я сжала пальцы и чуть потянула на себя предмет, однако рука с синюшными венами сделала тоже самое, легко заставив побелеть свои костяшки. Увидев обёрнутый вокруг запястья крысиный хвост, я

замерла: нет сомнения, кому могла принадлежать рука. Взор проделал медленный путь вверх и в мои глаза заглянули её глаза, страшные, пустые, бесчувственные. Это она, самая могущественная ведьма наших краёв. Я смотрела и теряла почву под ногами, но не могла оторваться, словно весь существующий мир сжался до размеров её зрачков.

– Ты носишь в себе мертвеца! – вдруг прошипела ведьма.

Мои глаза закрылись и я потеряла сознание.

– Якоб, милый Якоб, где рука твоя, дающая и поддерживающая, где слово, восстанавливающее мир и лад, нет тебя, нет солнца, и я одна в темноте, мёрзну, теряю тропинку, тону в эфире завтрашней пустоты... Покров сорван, в дыру задул ветер, занеслась пыль дорог, семена трав, пепел большого пожара. Сто тысяч грязных слов уличной черни слились в стрелу, разорвали ветوشь тела, что-то вошло и что-то вышло.

– Ну, чего развалилась у моего лотка? – торговец тряс меня, смотря досадливо и зло, – не подойдешь, даже если и захочешь покупать подле больной.

– Я не больна, просто лишилась чувств на минуту. Устала, душно.

– А бормотала чего? Никак своего господина Вельзевула вызывала, советовалась с козлом-любовником!

Это уже слишком. Прочь отсюда, скорей попасть домой, выпить травяной отвар, прилечь. А там, может, и Якоб пораньше придёт, как всегда без сил, но с монетой. Да, вот и его кудри, уже так близко, лёгкий запах хмеля, и когда только успел? Кладёт руку туда же, где моя, но там ничего, сосредоточенная безмятежность, накопление сил, немой подбор слов перед великой речью. Немой, совсем немой. Две руки, а под ними комок из плоти и крови ждёт своего часа.

Я тоже жду, но до него ещё долго, и ожидание не может избавить меня от повседневной работы. День за днём обычный хозяйственный круговорот, который казался бы бессмысленным из-за своей повторяемости, если бы не был так необходим. Якоб старается беречь меня, не позволяя делать самые тяжёлые вещи, но он не всегда дома, а кроме него помочь некому. Каждый раз, поднимая что-то или передвигая, я прикладываю руку к животу, словно стараясь успокоить негодующего от встряски малыша, но на самом деле никто не негодует. Не слышно совсем ничего, ни движения, ни шевеления. Хотя, как говорят более опытные женщины, уже пора бы. Дай мне знать, что всё хорошо, прошу я маленького, и я знаю, что он меня слышит, только, наверное, не различает слов.

Так идут дни. Случай с ведьмой почти забылся, только иногда напоминает о себе обрывками страшных снов, в которых мелькает ведьмино лицо, тут же вытесняемое чем-то иным, не таким болезненным для меня. Саму её я с тех пор, слава Богу, не видела, и поход на рынок перестал отзываться во мне глухим беспокойством, как первое время. Мой маленький сын, ещё не начавший как следует жить, мертвец? Боже, такого просто не может быть, наоборот, жизненные соки текут в него каждый миг, каждый день, делая больше и крепче.

Только я почему-то никак не могу увидеть эти изменения. Живот выделился у меня уже давно, и я ожидала постоянного прибавления в размерах, но только его всё нет и нет. Может, мне просто кажется, но он будто замер в нынешних размерах и не растёт больше. Нет, не думать об этом, наоборот, надо думать о другом, о новой прекрасной жизни, начало которой положено во мне могучим животворным семенем моего Якоба. И так очередной день в этих мыслях о новой жизни, его и нашей, ведь наша жизнь скоро будет не такой, как прежде. И снова ночь, и снова сны, такие разные, но всегда об одном...

Я иду по полю, по рощице, мимо маленького пруда, углубляюсь в лес. Мягкий дёрн, словно зыбучий песок, приглашает оставить в нём ноги и взлететь, идти трудно и, похоже, незачем. Но я иду, зачем-то иду, и теперь уже смыкающиеся ветви становятся намёками, нарастающая густота леса настойчиво просит повернуть назад, но я чувствую, что лес создан для меня, без моего глаза он растворится или сгорит. И мысль об огне, похоже, не случайна, она навевает невесть откуда взявшимся запахом дыма, а это гудение – вовсе не дыхание живого,

а его мучительная смерть в пламени. Я уже вижу всполохи, слышу треск и корчи деревьев, и вдруг откуда-то появляется горящий человек, он бежит ко мне, протягивает обугленные руки, он жутко смердит палёным мясом. «Мне нужна твоя кожа! – кричит он. – Моей больше нет, ничего нет, и меня нет. Дай мне кожу, я буду жить в ней!»

Я вскакиваю с постели и бегу под холодный и чистый ночной дождь, смыть наваждение, остудить ожоги, залечить раны. Якоб ведёт меня в дом, тёмный и бесприютный. Я трогаю живот, он один тёплый в этом продрогшем мире, в нём словно источник тепла, словно маленький огонёк, тщетно пытающийся осветить вышедший из берегов океан мрака. Но слишком неравна борьба, слишком он мал и слаб. Но он горит, я знаю, горит...

А потом нехотя вползает утро, почти зимнее. А потом день, почти день разлуки, ведь сегодня ночью я видела не тебя, мой сын. Но кого? И где тогда ты? До этого дня я не чувствовала одиночества, ведь ты всегда был рядом, я говорила с тобой, рассказывала тебе наши странные сказки. Ты слышал моими ушами, видел моими глазами, ощущал этот мир моей кожей. А теперь я словно одна. Твой отец говорит, что мне надо куда-то пойти, кому-то обо всём рассказать, о чём-то спросить. Он тоже тебя любит, и тоже очень ждёт, мы оба тебя ждём, но ты по-прежнему далеко, так далеко, что мы не слышим твоих шагов. Кого послать за тобой, кто принесёт весточку о тебе, кто поторопит тебя?

И погас этот день, и другой, а следом третий, и сколько их было ещё... А вместе с ними гасну и я; как солнце неразлично в зимнем тумане, словно стёртое с неба, так и во мне неразлично уже более твоё тепло. Ты слышал моими ушами, но они занесены песком; ты видел моими глазами, но они забиты досками. Ты чувствовал моей кожей, но она холодна, как камень. Я дом, в котором ты так и не нашёл дверь. Но я покажу тебе её.

Я уговорила Якоба оставить меня одну. Он ушёл, а я бросилась прочь. Мимо знакомых домов, по живым людным улицам, сквозь толпы равнодушных ко мне людей. Поле, рощица, маленький пруд, всё дальше в лес. Опускаюсь на мягкий сырой дёрн, достаю нож. Ты хотел остаться внутри, найти свой вечный приют под сердцем, но я покажу тебе дверь. Нож входит в меня, лезвие движется вниз, тёплая струящаяся кровь греет лучше одежд. Но я не могу тебя увидеть, не могу тебя достать, у меня нет сил. Выгляни вовне, покажи себя, закричи...

И тут из-за деревьев вышла она. Крысиный хвост вокруг запястья, тёмно-зелёное платье, а в руках коса. Отмеряя каждый шаг, она медленно подходит ко мне, вставляет в рану острие и продолжает мой незаконченный труд. Сморщенные руки входят в аккуратный надрез и достают его. Глухой сдавленный хрип нарушает тишину зимнего леса. Мои глаза, жаждущие навсегда закрыться, видят, как иссиня-красный крошечный младенец вознесён в воздух и прижат к впалой груди.

– Как долго я тебя ждала! – дребезжит старческий голос, лёгкий взмах косы перерезает до предела натянутую пуповину.

Прощай.

Урод

Дождь всё не прекращается, липкий, холодный дождь, он словно пытается смыть всю скверну с этого гнилого мира. Но его усилия тщетны, ведь грязи вокруг всё больше, дорогу совсем развезло, ноги вязнут, как душа увязла в этом царстве постылой серости. Но мы всё бредём, надеясь до наступления ночи добраться до очередного маленького городка, озабоченного лишь тем, как не исчезнуть с лица земли. Там нас примут с изумлением и недоверием, нашли, мол, время для увеселений, бродите кругом, как крысы, разносите заразу...

Мы останавливаемся на площади близ городских ворот, разбиваем шатры, изукрашенные причудливыми, но не различимыми в сумерках узорами, кормим измученных лошадей, разводим костры. Скупая пища, съеденная в молчании, глоток кислого вина и долгожданное забытие, воскрешающее картины прошлой жизни, короткой и нелепой.

Чужой смех – моя боль. Я ненавижу их смех, их изумлённые взгляды, их указующие на меня пальцы... Минувшая их чаша, пролившаяся ядом на другого, веселит людей, дарует облегчение собственных невзгод. Невзгоды временны, а уродство – вечно. Как легко идти к Голгофе и видеть крест на чужой спине... А моя спина словно создана для креста.

Все смеются над моим горбом, моими короткими кривыми ногами, моей сплюсненной морщинистой головой, они смеются над моим уродством. Однажды меня приметили те, для кого веселье – ремесло, кто продаёт людям смех за монету. Они захотели получить меня в свою коллекцию человеческих редкостей. Они собрали в одном месте весь брак природы, чтобы колесить с ним по городкам нашей провинции. «Насмешка природы над собственным величием! Ирония творца над своим всемогуществом!» – говорят они, начиная представление.

Я хорошо помню день, когда попал к ним, потому что снова и снова проживаю его во снах. Тогда была такая же осенняя распутица, и была чума, и свозили мертвецов на площадь для сожжения, а я шёл рядом с повозкой и держал свесившуюся из-под покрывала руку матери, стараясь запомнить её очертания. Совсем недавно она была такой тёплой и нежной, а теперь

совсем остыла и затвердела, а скоро превратится в пепел и смешается с дорожной грязью. Потом мать взяли за руки и ноги, бросили на кучу переплетённых в смертном объятии тел и подожгли. Но сырой хворост горит плохо, и долго ещё я наблюдал, как слабый и ленивый огонь нехотя подъедает лицо, в котором соединилась для меня вся красота этого мира. Пусть лицо матери теперь лишь угольная маска, она не способна скрыть сияние доброты, я чувствую его, как и она, единственная на свете, видела подобное сияние за моей уродливой гримасой.

Так я остался совсем один, и не было лучшего подарка для тех, кто даже в эти минуты думал только о своём деле, сулящем монету. Они схватили меня по дороге в опустевший дом, засунули в мешок, и я отправился в свою новую жизнь. Жизнь чудовища в клетке, кривляющегося на потеху толпе, среди таких же уродов, как я. Но не было для нас клеток невыносимей, чем те, в которые заточены наши души, только не выйти из них, не разогнуть прутья, не умолить тюремщика. Нужно лишь ждать своего часа, и повернётся ключ, и отправлюсь я туда, где нет нашего земного убожества, а есть лишь величие неба и свобода ветра...

– Этьен, проклятый выродок, вставай, пора готовить сцену! – жёсткий пинок будит меня. Память хочет удержать явившийся во сне лик, но утренний свет – как огонь, разъедающий милые картины минувшего. Мы съедаем по куску размякшего хлеба и идём сооружать помост, на котором развернётся представление. Работа идёт почти до вечера, но зеваки не досаждают нам расспросами, как это бывало в других городках. Людям наплевать на нас. Мы делаем свою работу и расходимся по клеткам.

А звонкие голоса зазывал уже несутся над площадью и улицами. Тогда только местные жители начинают стекаться к месту представления, хотя усталость и обречённость с их лиц никуда не делась. Мою клетку задёргивают чёрным покрывалом, и судить о новоприбывших зрителях я могу только по звукам чавкающих ног и грязным ругательствам.

И всё как обычно, глупое представление на потребу городской черни. Ведущий читает речь, обещая зевакам невиданные зрелища, а затем с клеток сбрасываются покрывала, одно за другим. Видя нас, зрители охают и пугаются, радуясь лишь тому, что находятся под защитой решёток. Но потом к их ужасу наши тюремщики отпирают засовы и мы по очереди выскакиваем наружу. Дальше каждый своим чередом идёт на сцену.

Один юноша особенно пугает людей своей гримасой. Он грустен и задумчив по природе, и однажды повстречал какого-то самобичевателя, который вообразил, что юноша впал в грех уныния и он должен спасти его душу. Этот бичеватель разрезал несчастному рот от уха до уха, чтобы на его лице всегда была улыбка. И теперь он со сцены произносит речь о вреде меланхолии для здоровья и о пользе овощей. А я, маленький, кривоногий и горбатый, пою песню трубадуров, признаваясь в любви одной необыкновенно высокой женщине, на голову выше рослого мужчины, сутулой, как тополь на ветру. Я подпрыгиваю, чтобы её поцеловать, воздеваю руки, и в этом месте люди обычно особенно хохочут. Дав им отсмеяться, женщина как бы сжаливается надо мной и складывается в три погибели, целуя меня в макушку. Я убегаю, изображая счастье, а на сцену выходит ужасный человек с двумя головами и топором в руках. Головы спорят друг с другом, кому достанется женщина, а потом решают поделить её меж собой, разрубив поперёк на две половины, всё равно ведь каждая её половина сгодится как отдельное целое. Но женщина отнимает топор и предлагает разрубить самого двухголового, теперь уже вдоль, чтобы получились две половины, годные как отдельное целое. Тот убегает, женщина за ним, а на сцену уже спешат следующие, убогие и калечные, чтобы показать столь же нелепые сцены.

И вот всё кончается. Но где же смех, а главное – монеты? Нет ничего, есть лишь равнодушные глаза на безучастных лицах, они пусты и бесстрастны. Глаза смотрят на нас, но словно и не видят, устремившись то ли вдаль, то ли внутрь себя. И тишина. Может, они безумны? Или наоборот, безумны те, кто смеялся над нашим уродством, над нашими жалкими ужимками и кривляньями?

Наконец, нам несут плату: толпа расступилась, и откуда-то из-за неё вышли двое мужчин с бочонком. Вот, говорят они, примите в дар, город у нас маленький и бедный, да к тому же мало нас осталось, а скоро может и вовсе никого не остаться. Но раз вы пожаловали к нам, то не можем мы не угостить вас вином, примите уж хотя бы это, если больше ничего нет...

Я искоса гляжу на наших хозяев: они даже не пытаются скрыть ярость, но берут вино и уносят. А зрители не уходят, нет, говорят, выпейте прямо сейчас, вместе с нами. Хозяева удивлены, но черпают и пьют, и даже зовут комедиантов, и мы несём кружки, чтобы зачерпнуть свою долю. Никогда я не видел такого странного приёма, но вино согревает и слегка бьёт в голову, и уже не так мерзко это всё, и мы уже словно наравне со всеми...

Бочонок пустеет, один из виночерпиев наклоняет его, смотрит внутрь и истошно вопит: «Крыса!» Он бросает бочонок на землю, его рвёт, но остальные не понимают, в чём дело. Тогда подбегает один из хозяев, заглядывает в бочонок и с мгновенно окаменевшим лицом достаёт оттуда за хвост мерзкую дохлую тварь с камнем на шее. И тогда я слышу хохот, дикий, нечеловеческий хохот, смех безумцев, так не похожий на проявление радости. Вот в чём смогли они найти свою единственную отраду – в подлом убийстве безвинных... Слишком много смерти вокруг, чтобы человек мог вынести это и не повредиться умом... Эти люди не смогли; они показывают на нас пальцами и смеются, зная, что мы теперь такие же мертвецы, как и они, и встали вместе с ними на край могилы.

Нет больше хозяев и рабов, ужас перед неизбежным сравнял всех. Кто-то ещё пытается спастись, вызвав рвоту, кто-то ползает по земле в рыданиях, а кто-то кидается в драку на хохочущих зрителей. И тут ко мне приходит решение: надо бежать. Теперь всё кончено, стены моей тюрьмы рушатся. Я бегу через площадь, за городские ворота, всё дальше и дальше по дороге, и мне незачем оглядываться, ведь никто и не думает преследовать меня. Я бегу, пока есть силы, а затем падаю в придорожную канаву. И только тут, лёжа в грязи, я осознаю, что жить мне осталось всего несколько дней. Вслед за тюрьмой из толстых прутьев рушится и тюрьма моей уродливой плоти, и скоро я стану свободен!

Однако вскоре эта первоначальная радость кажется мне нелепым и по-детски наивным бахвальством. Стоило мысли о скорой и мучительной смерти поселиться и обосноваться во мне, вместе с ней явился и её спутник – страх. Ведь я помню, как умирала мать, а теперь и мне предстоит пройти через подобное... Но выбора нет, нужно смириться... А может, я не заболел? Вдруг всё обойдётся? Ведь не все же заболевают... И вот затеплилась надежда, но как же так, неужели даже такая жизнь, жизнь уroda в клетке, мне на самом деле дорога и я боюсь расставаться с этим миром и с собой? Или я просто трус и не верю в загробную жизнь как следует?

Не надо думать об этом, скоро всё станет ясно, нечего и голову ломать, а как всё прояснится, так придётся принять свою судьбу и не роптать. Но что делать сейчас? Куда идти? Тут я подумал, что лучшим решением будет попытаться исполнить свою давнюю мечту – увидеть море. Ведь я всю жизнь прожил в Бретани, а моря ни разу не видел, хотя оно здесь кругом, всё дышит им, оно даёт и жизнь, и смерть, ведь именно оно однажды исторгло этих английских убийц, что причинили нам столько бед и принесли разорение. Но наши хозяева заезжали со своим цирком во все захолустья, а приморские городки объезжали стороной, словно необъятный простор и свобода моря внушали им отвращение... Так что надо идти к морю, лицом к закату, а там уж дорога обязательно выведет, только бы хватило времени...

Я побрёл, сначала с воодушевлением, помогающим не замечать остроту камней и холод грязи. Но чем дальше, тем сильнее усталость и слабость клонили меня к земле, и уже совсем стемнело, а ужина я сегодня так и не получил и надежды на него нет. Тело под сырой одеждой чешется и зудит, но костёр разжечь нечем, и я просто ложусь на мягкое травяное покрывало в леске у дороги, обхватываю себя руками и пытаюсь уснуть. Деревья ведут свой вечный спор с ветром, и лес величаво шумит, пробуждая ночных жителей и усыпляя меня.

Но вдруг сквозь наваливающуюся дремоту я слышу чью-то тихую беззлобную брань, она доносится с дороги. Поднимаю голову, прислушиваюсь: то явно какой-то старик вздыхает и ругает немилосердную судьбу. Встаю и бегу к нему, а там будь что будет... Выбегаю на дорогу, смотрю на него, он на меня, и даже в темноте лесной дороги я вижу его дружелюбную улыбку. Улыбку, не гогот презрения, а улыбку? Да он, должно быть, просто меня не разглядел...

– Не самое подходящее место и время ты выбрал для прогулок, юноша, – говорит он, будто старикам ночью в лесу самое место. – Куда путь держишь?

– К морю, – неопределённо машу рукой.

– Зачем же тебе море?

Этот вопрос ставит меня в тупик, хотя сам-то я, вроде, понимаю, зачем мне море, но как это объяснишь незнакомому человеку? Мне осталось недолго, объясняю я, хочу увидеть его перед смертью. Старик становится серьёзен и просит поделиться своей историей. Я соглашаюсь, но предлагаю сперва устроиться на ночлег, а затем уже и разговоры вести. Мы разжигаем костёр, исследуем содержимое сумки старика и тем временем беседуем. Я всё рассказываю, а он качает головой и соглашается, что поступил я правильно, сбежав. Называть его старик просит Сен-Жаком, родом он из дальних мест, а в наших краях уже давно бродит скитальцем. Совершал паломничество, да так и привык к жизни вольного странника. Ищу, говорит, добрых людей да разные чудеса, хотя в наше время добрый человек уже сам почти чудо. И фляжку с вином то мне даёт, то сам прикладывается.

– Что же вы делаете, – говорю, – разве не знаете, что бывает, если слишком близко сходиться с чумными? – А он только улыбается, как блаженный, да хлебом закусывает и меня угощает. Ложимся спать, а утром просыпаемся вместе с лесными птицами и собираемся в дорогу. А на вопрос, куда же он сам-то направляется, говорит, что меня к морю провожает. Видно, и правда без дела слоняется на старость лет.

И вот идём мы, один день, второй, третий... Я всё больше слабею, болезнь уже не даёт сомневаться в себе, ибо появляются страшные признаки, по которым мы так часто вычисляли чумных. Старик щупает меня в разных местах, находит шишки и качает головой... Но делать нечего, я уже готов, теперь одна забота – добраться бы до моря. Погода стоит тёплая, солнце просушило землю, последний раз прогрело её, и природа будто замерла в блаженстве, наслаждаясь прощальной солнечной лаской. Потому и мы духом бодры, чему помогает и хорошая еда, которую Сен-Жак всё достаёт из сумки, словно у неё нет дна. Класть не кладёт, только достаёт, добавляя собранные в лесу травы и коренья. Рыба не тухнет, хлеб не черствеет, это странно, но я не задаю вопросы, боясь спугнуть благодатное волшебство. И мы говорим, говорим, но иногда и молчим каждый о своём. Я рассказал всё о моём прошлом и почувствовал благодарность к старику за то, что его любопытство становится поводом вспомнить свою жизнь. Мать будто снова возвращается ко мне, и я оттягиваю прощание с ней, удерживая себя от перехода на другую тему.

– Ты боишься проститься с памятью тела, значит, не веришь во встречу душ, – говорит Сен-Жак.

– А я найду её там? Смогу угадать? Мы там будем такие же, как здесь? – спрашиваю я, полный смятения: я не хочу больше быть уродом, но боюсь не найти мать, если мы сменим облик.

– В мире сущностей ты не сможешь быть таким же, как в мире форм. Форма преходяща, а сущность вечна. Но не бойся, ты обязательно найдёшь свою мать, ведь будешь искать не глазами. Ты встретишься с ней там, где нет отдельного и различного, где всё едино и прекрасно... И там вы сможете быть по-настоящему вместе, как части одного целого, ибо лишь на земле изначально целое предстаёт отдельным, а единое – многим.

Последние слова Сен-Жака я совсем не понимаю и снова погружаюсь в свои грёзы, где больше нет унижения и одиночества, где я прекрасен и любим, где я важен сам по себе, а не как средство чьего-то нечестивого заработка. И мы идём дальше, день за днём, всё ближе к морю, и ведём возвышенные беседы, в которых мой провожатый рассказывает мне, что видит моё будущее в сиянии. А тело тем временем разрушается, покрывается язвами и гниёт, страдания истязают меня, но дух крепнет с каждой минутой, и я знаю, что доберусь до цели.

И вот настал миг, когда, взобравшись на холм, мы видим море: оно сверкает узкой рубиновой полоской, до него считанные часы. Резкий солоноватый ветер бьёт в лицо, я обнимаю Сен-Жака, радуюсь и плачу от неизбежного расставания с добрым стариком. И мы идём дальше. Я смотрю вокруг и стараюсь запомнить природу такой, какой она предстала предомной в последний раз. Вечно торопящиеся облака, то и дело непочтительно загораживающие ленивое солнце... Побуревшие луговые травы, уставшие смиренно висеть жёлтые листья; ветер сманивает их оставить свои когда-то шумные, а ныне пустеющие дома и пуститься в странствие. Они весело откликаются и навсегда рвут с прошлым, ничего не зная о том, что ждёт их впереди. По земле пролетают тени птиц, и всё куда-то движется, а куда и зачем, всё дальше от истока или всё ближе к истоку, неизвестно.

Движемся и мы. Дорога выётся мимо утёса, до него уже рукой подать. В одном месте Сен-Жак останавливается и прощается. Дальше иди один, говорит он, а мы ещё встретимся, если когда-нибудь тебе снова понадобится помощь и участие. И я иду, и с каждым шагом моё прошлое становится всё длиннее, а будущее короче. Вот уже виднеется край, я подхожу совсем близко и смотрю вниз. Буйное, дикое море свирепеет от того, что кто-то посмел установить ему каменную преграду, указал предел, и оно бьёт в него, будто хочет уничтожить все границы и познать бесконечность, разлиться по всему миру и превратить его в себя. Я не знаю, где его начало, оно теряется в сизой холодной дали, но конец здесь, в скале над пенящейся пучиной. Или, наоборот, здесь конец земли, а у моря только начало, а конца и вовсе нет.

Я думаю над этим последним вопросом моей жизни, но вдруг понимаю, что здесь на него не может быть ответа, это знание требует последнего шага. И я оглядываю этот суровый и прекрасный мир, я так мал по сравнению с ним, так жалок и убог, но сейчас он существует словно для меня одного, как будто вся природа была сотворена только ради этой минуты. Прощайте уродство, страдание и болезнь, я отталкиваюсь от края огромной скалы и лечу, ощущая себя счастливым и свободным, как никогда ранее. Где-то далеко внизу скользит моя тень, и море вздымает белёсые пенистые конечности, готовясь принять меня в свои ледяные объятия.

Трон

Лошади, пофыркивая, остановились. «Похоже, это здесь» – подумал барон, смотря из маленького окошка кареты на крепкий каменный дом. Найти его среди буйных зарослей нехоженной городской окраины, да ещё в ранние осенние сумерки, было непросто, но именно Агриппу знающие люди рекомендовали как лучшего в своём деле. Барон несколько раз ударил тяжёлым дверным молотом и стал ждать ответа.

Дверь грузно приотворилась, и в щели показалось лицо пожилого привратника.

– Моё имя – барон фон Ольденбург. Я прибыл по важному делу к досточтимому Агриппе из Неттесхайма.

Привратник распахнул дверь и жестом пригласил войти. Обстановка дома была аскетичной: барону в ожидании приёма даже негде было присесть. Он оглядывал неуютное жилище, пока привратник не проводил его в специальную залу, в центре которой восседал немолодой седобородый человек. На столе лежала открытая книга и перо, рядом стояла чернильница. Подходя к столу, барон заметил, что мебель расположена в центре нескольких окружностей, между которыми рассыпаны надписи на латыни и других языках. Слова, отдельные буквы, какие-то значки и диаграммы, а в центре – крест с наложенной на него пятиконечной звездой.

– Моё имя – барон Генрих фон Ольденбург, – снова начал представляться визитёр, присаживаясь на мягкий стул. – Я пришёл к вам по важному делу. Видите ли...

– Не мне, – Агриппа вскинутой рукой остановил его. – Мне только суть: власть, деньги, женщины, война...

– Власть.

– Условия подобных сделок вы, надеюсь, знаете?

– Безусловно.

– Тогда начнём.

Агриппа убрал со стола всё лишнее и достал испещрённый загадочными символами клинок с отделанной серебром рукояткой. Воткнув его в стол, маг мелом нарисовал вокруг клинка звезду, закрыл глаза и отстранённо, тихо, но очень отчётливо произнёс:

– Вечный и всемогущий Боже, предписывающий воздавать тебе славу молитвами, молю Тебя послать мне духа из ордена Юпитера, что помогает Тебе править небесным сводом, дабы служил он мне охотно, верно и истинно. – Агриппа помолчал, затем продолжил. – Духи, в чьей помощи я нуждаюсь, узрите эти знаки и Священные Имена Бога, наполненные силой. Оставьте несчастных, которых вы мучаете, бросьте злые дела, выходите из своих пещер, нор и тёмных чуланов на светлое место, где Божественная доброта соединит нас. Слушайте наши приказы и выполняйте их. Ваше избавление в повиновении, а не в сопротивлении. Приказываю вам Таинственными Именами Элохе, Агла Элохим Адонай Гиборт. Амен.

Агриппа снова замолчал, но только барон открыл рот, как он продолжил:

– Я вызываю тебя, Махиэль, во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа, благословенной Троицы, невыразимого Единства. Заклинаю тебя, Махиэль, дух власти и величия, суда и воздаяния, дух высшей справедливости, явись нам, покажи себя, чтобы мы могли видеть и слышать тебя, говорить с тобой, и чтобы ты исполнял наши желания, истинно и верно служил нам. Услышь меня в этот день, мои мольбы и слова, Священные Имена Бога Элохе Эль Элохим Элион Зебаот Эскерехис Иа Адонай Тетраграмматон. Амен.

Старик замолчал и медленно открыл глаза. Он молчал, и барон счёл благоразумным не открывать рот, пока его не попросят. Так прошло несколько минут. Вдруг из тёмной соседней комнаты почти беззвучно вышла юная привлекательная девушка в сером одеянии до пола. Не поднимая головы и не глядя на мужчин, она скромно села на стул в дальнем углу зала.

– Это Махиэль, – сказал Агриппа. – Уважаемый барон, расскажите Махиэлю вашу историю.

– Я – барон Генрих фон Ольденбург, – начал тот излагать суть дела. Мысли путались, речь давалась с трудом, он чувствовал, как под пышным одеянием тело зябнет и покрывается гусиной кожей. – Я младший сын графа Иеронима Ольденбургского. Самый нелюбимый и презираемый им сын. Достаточно сказать, что мои старшие братья унаследовали титул графов, а я – всего лишь барон. Отец никогда не мог разглядеть во мне способностей государственного деятеля, он считал, что я не достоин править графством после его смерти. Хотя именно я в каждом поступке руководствовался только интересами государства, в то время как трое моих братьев думали лишь о ратных подвигах, богатстве и славе. Поэтому, когда я узнал, что граф Иероним собирается разделить меж ними наш Ольденбург, то решил воспрепятствовать этому. Старшего Дитриха я подкараулил, когда тот гулял вдоль реки, и столкнул со скалы. Второму брату, Рихарду, я подсыпал в пищу яд. Третьего брата, Оттона, когда он возвращался с недостойной его титула попойки, на тёмной улице встретил нанятый мной убийца. Я казнил их, ибо решил, что они не способны править нашим графством! Но отец и тогда не отдал его мне. Он завещал Ольденбург своей дочери от первого брака, бывшей тогда замужем за курфюрстом Пфальца. И когда отец умер, войско курфюрста заняло нашу столицу, и новый правитель установил в государстве свои порядки. А мне, законному наследнику ольденбургского престола, дали только небольшой отряд воинов да крохотное владение с тысячей крестьян. Но я заслуживаю большего, мой удел – великий трон и корона правителя!

– Как идут дела в твоём нынешнем владении? – спросила Махиэль неожиданно низким голосом.

– Прекрасно! – Барон всё сильнее распалялся, его страх совершенно улетучился. – Прежде всего, я поставил каждому жителю деревни клеймо, чтобы все знали: это собственность барона Генриха фон Ольденбурга. Эти проклятые крестьяне наконец-то узнали, что такое работать по-настоящему! Мы искоренили грех праздности, теперь никто не болтается без дела, как раньше, ведь я обложил их такими налогами, что им приходится постоянно трудиться, дабы выплатить их, да ещё и себя прокормить. А кто не платит, тех я сажаю в яму. И они не ропщут, ведь я объяснил им: только честный труд есть основа добродетельной жизни. Роптавшие же лишились языков. А кузнеца, который выковал на один меч больше, чем ему заказал

мой двор, я осудил на сожжение в его собственной жаровне, ибо попытку восстания мужиков нужно давить в зародыше. В итоге дела в моём владении приобрели стройность, богатство увеличилось, а люди стали жить в соответствии с божьими установлениями, предписывающими каждому червь рыть свой кусок земли. И теперь я прошу тебя, всемогущий Махиэль, помочь мне вернуть Ольденбург под мою сень, или дать другое государство, дабы изложенные мною принципы строительства добродетельного царства обрели плоть и кровь.

Махиэль подняла на барона полные равнодушия глаза прекрасной девы и долго смотрела, не мигая. Ему снова стало страшно, он ждал решения своей судьбы с тревогой и сомнением. Наконец, дух произнёс:

– Езжай к себе и жди гонца.

И медленно покинула залу, исчезнув во мраке соседней комнаты. Радостный барон щедро расплатился с магом и отбыл восвояси.

Неделя тянулась за неделей, но ничего не происходило. В душе Генриха поселились сомнения, а не было ли всё, произошедшее у мага, лишь инсценировкой для вытягивания из него денег? С чего он взял, что та девица на самом деле была духом, а не обычной деревенской шлюхой, игравшей роль духа за монету? Со временем мысль об обмане окрепла и утвердилась в его голове, он проклинал себя за доверчивость и мечтал поквитаться с Агриппой. Сияющий трон из его грёз поблёк и стал казаться далёким и недостижимым. Все эти правители германских государств, курфюрсты, герцоги да маркграфы, ничтожества, желавшие только пьянствовать и портить девок, сидели на своих собственных престолах, а он, больше всех достойный титула правителя, прозябает среди мерзких скотов, свист кнута понимающих лучше слов государственной мудрости. От этих мыслей барон озлоблялся, становился резким и раздражительным, и его настроение на своих шкурах чувствовали все окружающие. Телесные наказания и пытки стали делом привычным, а на беглецов барон со свитой из числа данных ему курфюрстом солдат устраивал охоту. Тела крестьян, растерзанных собаками, сажали на колья и ставили вдоль единственной ведущей из деревни дороги, дабы они служили уроком другим.

Осень обернулась зимой, ту сменила весна, затем пришло лето, а когда и оно стало клониться к упадку, к барону пожаловал гонец. Мечты о троне вспыхнули в нём с прежней силой, и он принял посла с необычайным воодушевлением. Тот принёс волнующую весть: в расположенном неподалёку княжестве Гессен-Кассель опустел трон, и некому его занять. А он, Генрих фон Ольденбург, оказался ближайшим родственником умершего князя по материнской линии. Барон ничего не знал про это государство и тамошних родственников, но это не имело значения: он не верил своему счастью, он благодарил Бога, Дьявола, всех духов и святых за эту награду его терпению. Значит, старый колдун не врал, и церемония была настоящей!

Генрих не желал медлить. Собрав свиту, он объявил придворным радостное известие и предложил отправиться в новую страну вместе. Солдатня, перед которой замаячила перспектива превратиться во владетельных дворян, согласилась без колебаний. Показавшаяся вдруг ещё более мелкой и убогой деревушка оставлена на наместника, лучшие кони впряжены в карету, вещи погружены на обоз, и процессия двинулась в путь. Всадники поигрывали на сентябрьском солнце новенькими доспехами, а сам барон то и дело пересаживался на обитый бархатом облучок кареты, чтобы первым увидеть свою новую страну, свой собственный престол.

Наконец, обоз подобрался к самой границе княжества. Ориентиром служили две скалы, торчавшие из земли по обе стороны дороги. Вот добрались и до них. Въехав в эти своеобразные ворота, путники обнаружили, что местность изменилась. Зелёное полотно степи, прореженное цветочными вкраплениями, внезапно сменилось чёрнотой земли, прикрытой лишь сморщенными шляпками бледных грибов. Дальше – густой заболоченный лес, непролазная чаща, из которой доносились тревожные звуки. Погода испортилась, напоздли тяжёлые тучи, то и дело срывались капли дождя. Оставалось лишь удивляться этим внезапным природным метаморфозам. Барон закутался в плащ, выпил вина и вгляделся вдаль, надеясь увидеть впереди

пункт назначения. Однако видимость была плохой, воздух словно загустел, мутный и плотный. Барону казалось, что чем напряжённей он смотрит в окружающий его пейзаж, тем пристальней тот смотрит на него. Он настолько явственно чувствовал чьё-то присутствие, что лишь напряжением воли удерживал себя от беспрестанных оглядываний.

Нет, только вперёд, позади и по сторонам для него больше ничего нет. Ещё будет время всё здесь осмотреть, ведь это уже его владения, теперь он здесь король, он заплатил за своё право на этот титул большую цену.

Вдруг из сумрачной мглы выплыли силуэты людей. Сначала барону показалось, что это путники, шедшие навстречу процессии. Однако по мере приближения он понял, что люди не идут по дороге, а висят на рели, прибитой к двум столбам на обочинах. Четверо мужчин и одна женщина. Ноги мертвецов болтались всего в метре над дорогой, и проехать под ними или объехать было невозможно. Возница остановил карету, и барон, набравшись решимости, поднял взгляд к их лицам. И тут же пожалел об этом, ведь ему пришлось заглянуть в открытые глаза мертвецов.

Ему доводилось смотреть в глаза казнённых им людей, и он был готов поклясться, что они выглядят совсем иначе, нежели те, что смотрели сейчас на него. Эти были словно живыми, видящими, испытующими; они не свидетельствовали об обретении их владельцами вечного покоя, а кричали об их страдании и молили о помощи. «Чёрт подери, и здесь одни преступники!» – подумал барон. Мысль о том, что повешенные до сих пор живы, он отбросил как смехотворную и отдал приказ очистить дорогу. Двое всадников с алебардами спрыгнули с коней и принялись рубить рель возле концов. Та не оказала сопротивления, и вскоре мертвецы повалились в грязь. Оттаскивать их с дороги посчитали нецелесообразным, и карета, подсакивая, двинулась по телам. Сам не понимая, зачем, барон глянул вниз. Несчастные продолжали смотреть на него, и он отвернулся.

Даже это происшествие не смогло заставить барона залезть внутрь кареты: он желал видеть страну, над которой ему выпало властвовать. К тому же ему хотелось встретить живых людей и засвидетельствовать их почтение. И через час унылого пути Генриху выпала такая возможность. По дороге двигалась пешая процессия, спереди и сзади шли солдаты в чёрных латах, а между ними несколько десятков человек, скованных одной цепью. На их плечах коромыслами лежали брёвна, давящие головы к земле. Небольшие выемки помогали бревну удержаться на шее, а кандалы, висящие на цепях с обоих концов брёвен, страховали от попыток освободиться от тяжкого груза. Заметив приближающихся всадников, люди стали жаться к обочине.

– Эй, вы, за что наказаны эти люди? – окликнул конвоиров барон. Один из них, отвратительный лысый здоровяк, нехотя обернулся и пристально посмотрел на своего нового господина.

– Каждый за своё, – ответил он.

– Знаешь ли ты, кто я?

– Знаю, – сказал тот с едва уловимой усмешкой. – Ты – наш новый король. Приветствуем тебя, ваше величество!

И процессия продолжила путь. Барона такой приём привёл в бешенство, он ожидал несколько иного поведения от подданных. Однако начинать своё царствование со стычки глупо, благоразумнее сначала добраться до замка и вступить на престол, а затем уже привести в порядок дисциплину. Двинувшись дальше и вновь поравнявшись с процессией, барон внимательно посмотрел на конвоиров. У всех в лицах и фигурах были какие-то изъяны, чего нельзя было сказать о пленниках, вполне обычных людях. «Отвратительные уроды, как на подбор» – подумал барон о своих новых слугах.

Уже почти стемнело, когда обоз достиг расположенного у подножия замка городка. Дела здесь шли не лучшим образом, всюду царил упадок и разруха. Дома маленькие, из сгнившей и потемневшей от сырости и старости древесины; узкие изломанные улицы утопали в грязи

и нечистотах. Люди жили в нищете и скученности. Лица были усталыми и измождёнными, на них лежала печать уныния и равнодушия. Барон подметил, что на улицах совершенно нет детей, играющих возле домов или бегающих стайками. Женщины заняты только работой, в их руках было что угодно, только не ручки детей. «Это плохо, – рассуждал барон. – Если женщины не рожают достаточно детей, то в скором времени нечем будет пополнять армию».

Наконец обоз выехал на главную площадь городка, от которой до замка вела прямая улица. Здесь располагалось несколько относительно крупных и крепких зданий, возле которых кучковались солдаты в чёрных латах. «Что-то вроде казарм для следящего за порядком в поселении войска», – предположил барон. Какого только сброда не было среди солдатни: хромые, косые, искалеченные, покрытые шрамами, ожогами и нелепыми рисунками. Взгляд цеплялся только за их уродства, но не за обычную для этого сословия воинскую статью и выправку. И сразу же Генрих наметил реформу: «Это никуда не годится. О короле судят в том числе и по его войску. Что будут думать обо мне соседние правители, когда увидят под моими величественными знамёнами этих выродков?»

На площади отсутствовали все присущие городу заведения. Не шла торговля, мужичье не горланило возле кабаков, часы на ратуше не задавали ритм городской жизни. Отсутствие церкви особо поразило барона, да и недостаток значных мест показался ему большим упущением. «Народу нужно жрать, – рассуждал он, – глазеть на всякие гнусности и верить, что в конце никчёмной жизни каждого из них ждёт высшая награда – вечность. Тогда толпа послушнее, чем под страхом немедленной смерти. А тут и поглазеть, кроме как на казни, не на что. Зато к этому здесь, похоже, имеют вкус». Спешившись, он шёл мимо позорных столбов, к которым цепями были прикованы залитые кровью и грязью люди; мимо колодок, кольев, дыб, виселиц... И всюду крик, вопль, стон... Здесь же была вырыта яма, в которой, трясясь от холода и страха, сидели несколько человек с прикрытыми только грязью телами. Они поднимали головы, тянули к барону руки, умоляли вытащить их отсюда. Их властителю стало не по себе, и он поспешил вернуться в карету. Обоз двинулся к замку.

Невысокий, приземистый, тёмного камня, замок являл пример полного отсутствия мысли в архитектуре. Стены были покрыты копотью и плесенью, защитный ров отсутствовал; всё кричало о бедности бывшего правителя. Новоявленного князя вышли встречать придворные. Возглавлял их невысокий человек в бесформенном балахоне. Морщинистое лицо скрывал капюшон. Человек заговорил, пуская слюну по подбородку:

– Приветствуем тебя, о великий правитель нашего бесприютного царства! Меня зовут Эрих, я регент. Надеемся, ты прибыл к нам по велению души, и путь сюда не был для тебя слишком тяжким.

– Благодарю тебя, Эрих, путешествие прошло замечательно. Я спешу вступить на престол, принять титул князя и взяться за управление. Дела у вас идут, как я имел возможность увидеть, далеко не идеально. Но я это исправлю.

Барон говорил с большим воодушевлением, а регент лишь слегка улыбался, пряча лицо под капюшоном. Генрих отдал приказ отвести лошадей в конюшню, а спутников – в лучшие покои. Сам же он изъявил желание осмотреть замок. И в первую очередь – тронную залу. Та оказалась большой, тёмной и очень холодной. Сам трон был грубой работы, из железа, покрытого ржавчиной. Барон решил сесть на него, хотя смутное чувство тревоги вдруг поднялось из каких-то неведомых глубин. Но отступить было некуда, придворные смотрели на него испытующе и ждали торжественного момента. И вот Генрих фон Ольденбург осуществил свою мечту – сел на трон. Теперь он правитель, владыка собственного государства, распорядитель земель и душ.

Регент принёс корону, железный обруч с чёрным камнем, и протянул её новому хозяину. Но стоило только короне опуститься на голову барона, как из трона выскочили железные

скобы и захлопнулись на запястьях и лодыжках Генриха. Он попытался вырваться, но холодный металл держал крепко.

– Что всё это значит? – кричал владыка. – Я требую немедленно освободить меня!

Но новые придворные лишь громко хохотали над ним. А трон тем временем ошетинился шипами; они впивались в тело барона, протыкали ноги, руки и спину, буравили, рвали плоть. Под сиденьем разгорался огонь, и трон, казавшийся поначалу таким холодным, превратился в жаровню. Корона сдавила ему череп, он кричал и просил пощады, молил о свободе или о смерти, но ответом был лишь смех.

Вдруг барон увидел, как сквозь толпу придворных прошла прекрасная девушка в сером одеянии до пола. Она приблизилась к трону и положила прохладную руку на лоб Генриху, отчего боль внезапно оставила его.

– Молю тебя, пощади, отпусти домой, – кричал он. – За что мне это? У нас же был договор...

– Я не покупатель, я – судья, воздающий тебе меру за меру низости твоей. Высоты же твои покрыты туманом. Ты судил, теперь ты судим. И твой приговор – вечность.

Она убрала руку, и боль вернулась. Барон не мог сдерживать её, он кричал и молил о спасении, хотя знал, что его крик не покинет этих стен. Махиэль медленно отвернулась и скрылась за спинами хохочущих придворных. Жир на уродливых лицах колыхался, губы дрожали, рты брызгали слюной, грязные пальцы указывали на него, великого правителя страны, из которой нет возврата.

Симпозиум

Получив письмо графа, я сразу же начал собираться в дорогу. Он приглашал меня на Симпозиум, говорил, что дело необычайной важности, и без меня это собрание достойных мужей будет неполным. Брать с собой большой багаж не имело смысла, ведь всем необходимым граф, несмотря на его удручающее положение, мог меня обеспечить, а то главное, ради чего он нас собирал, помещалось в небольшом сундуке. Слуга подремонтировал повозку, заготовил провиант в дорогу, снарядил лошадей, и мы двинулись в путь.

Местность, по которой мы ехали, была пустой и заброшенной. Долгие годы войны и разорения не могли не оставить следов; даже природа, казалось, понесла тяжёлый ущерб и пребывала теперь в унынии и болезни. Одинокiй ветер рыскал по ложбинам и пролескам в поисках людей и, никого не находя, из-за своего одиночества становился злым и недружелюбным. Иногда нам, впрочем, встречались и заселённые деревни, жители которых постепенно возвращались к своему включённому в круговорот времён года крестьянскому труду. Сам же замок раненой громадой высился среди чахлого заболоченного леса: граф не позволял выкорчёвывать его и распахивать земли, ибо любил иногда поохотиться недалеко от своего обиталища. Во время осады лес был сожжён, и вид почерневших деревьев, торчащих из болота и засиженных воронами, не вызывал ничего, кроме тоски.

Мост через ров был опущен, ворота открыты, и вход в замок преграждала только решётка. Стражники спросили моё имя и, получив ответ «Теофраст», залязгали цепями подъёмного механизма. Появившийся как из-под земли камергер радушно поприветствовал меня и проводил в просторную комнату. Чтобы согреться и снова ощутить сладость домашнего уюта, я разжёл камин. Ужин не заставил себя ждать, и поесть дичь с терпким вином, глядя на укрощённую огненную стихию, было сущим блаженством. Затем я заснул, а разбудил меня граф, решивший самолично выразить мне почтение.

– Бесконечно рад видеть вас, дорогой Тео! Вы поступили как настоящий друг, оставив свои многочисленные заботы и ринувшись мне на помощь в эту трудную минуту.

– Почту за честь оказаться полезным вам, мессир Рудольф. К тому же, пребывание в месте, где я провёл немало упоительных минут моей юности, способно пробудить сладостные воспоминания. И, я надеюсь, мне удастся встретить здесь тех, кто делил со мной ваше покровительство и братскую заботу.

– В этом можете не сомневаться. Завтра утром, когда мы откроем наш Симпозиум, вы увидите тех, кто предавался в равной мере учению и веселью под защитой этих стен. А пока отдыхайте, Тео, отдыхайте, нам предстоит великая работа.

Он ушёл, а я погрузился в раздумья. Выглядел граф очень плохо, что нельзя было объяснить только возрастом и испытаниями. Даже говоря о минувших беззаботных временах, он не пустил на своё лицо ни тени радости. Казалось, что-то тяжёлое и давящее поселилось в его душе и лишило её прежней возвышенности. Граф смотрел на мир пустыми глазами, и эта пустота множила себя, пожирала время и пространство там, куда падал взгляд. Я заново разжёг огонь и отбыл в поле сонливой лени, собирать жатву из воспоминаний и снов.

Разбудил меня слуга, принесший завтрак из кухни. Быстро покончив с приготовлениями, я вышел в широкий, украшенный пыльными гобеленами коридор, по которому прогуливались участники Симпозиума. Знакомые, но тронутые временем лица, сосредоточенные и серьёзные. Не успел я приблизиться к ним и обратиться с приветствием, как появился камергер и пригласил всех в залу для собраний. Рассаживаясь за круглый дубовый стол с выжженной на нём шестиконечной звездой, учёные переглядывались, как мальчишки: оказалось, никого не из нашего круга здесь нет. Впрочем, круг этот никогда не был тесным, представляя собою не компанию друзей и даже не тайное общество, а, скорее, незримую духовную связь людей, объединённых общими знаниями и умениями.

Камергер зачитывал имена собравшихся, а те вставали и отвешивали лёгкие поклоны:

– Птолемей Синезиус. Базилио Валентини. Янус Баптиста. Бернар де Треви. Венцеслаус фон Райнбург. Теофраст. Граф Рудольф фон Хагенау, – добавил он, когда тот через потайную дверь вошёл в залу. Он сел на огромный деревянный стул и начал свою речь:

– Друзья, уже своим присутствием вы заслужили мою благодарность. Все вы наверняка помните, как в трудные времена гонений на тайное знание и преследований его адептов я использовал своё влияние, чтобы создать для вас остров безопасности. За прошедшие годы многое изменилось. Вы полностью оправдали надежды ваших учителей, достигнув высоких степеней посвящения. А я... Я потерял всё, кроме имени и памяти. Несчастья поселились в этой юдоли мудрости и гармонии, будто всадники Апокалипсиса сделали её постоянным двором в своём вечном странствии по миру. Вся надежда – на вас, друзья.

При всей связности речи графа на его лице было что-то отстранённое, нездешнее. Такое бывает на лицах тех, что существуют в нашем мире, но видят за его материальной оболочкой другой, трансцендентный мир. Мир неподвижности и завершённости, открывающий себя в совокупности изменчивых и преходящих вещей. Однако что именно видел граф поверх окружающих его предметов, я пока не знал. Тот меж тем продолжал:

– Даже те остатки былых богатства и роскоши, что вы видите вокруг себя, мне уже не принадлежат. И обескровленная земля, ждущая возделывателя, и бесприютный замок, замерший в ожидании голосов радости, скоро перейдут в хищные лапы кредиторов, этих неразборчивых ворон, наживающихся даже на бедствиях и войнах. Единственная возможность спасения от позора и гибели – чудесное появление достаточного количества золота. Буду откровенен: получить его в моей ситуации, кроме как от вас, неоткуда. Я вовсе не прошу раскрыть мне ваши секреты, я не вмешивался в постижение вами тайных доктрин раньше, не хочу делать этого и сейчас. Всё, что я прошу – превратить скопившийся в замке железный хлам в золото. Для этого я и созвал вас сюда. Я прошу вас помочь мне ради нашей общей памяти.

Снова вполне логичная, учитывая положение графа, речь. И снова мне поведение графа казалось несколько странным. Если всё, что ему было нужно, это золото, то зачем он созвал Симпозиум? Для такой цели вполне хватит меня одного, и я за одну ночь изготовил бы столько золота, сколько нужно для выправления бедственного положения. Любой из здесь присутствующих тоже. Для чего же граф созвал нас всех вместе? Неужели чтобы предаться ностальгии? Впрочем, если здесь есть какая-либо тайна, она обязательно раскроется, нужно только набраться терпения.

– Дорогой граф, помочь вам – честь для каждого из нас! – произнёс Венцеслаус те же слова, что и я накануне. – Нет никаких препятствий, чтобы употребить знания о трансмутации металлов на столь благородное дело. Однако я думаю, вы понимаете, что утопание в роскоши без приложения к этому усилий, что, увы, свойственно многим знатым особам, ведёт к праздности, лени и потере тяги души к возвышенному. Этот плачевный итог слишком обычен, чтобы не указать на его опасность. Поэтому мы, не желая способствовать падению вашей души с известных нам высот в преисподние бездны, готовы обеспечить лишь необходимый минимум, а дальнейшее, граф, полностью в ваших руках: труд и забота о своих людях делает больше, чем наши опыты.

– Забота о моей душе доказывает, что вы по-прежнему считаете меня своим другом, а это для меня дороже золота, – первый и последний раз за время Симпозиума граф улыбнулся. – Излишне говорить, что я с благодарностью принимаю ваши условия.

– Что ж, тогда вам остаётся обеспечить нас образцами металлов, – сказал Базилио Валентини, – а завтра утром мы встретимся в том же месте и в то же время, дабы поделиться результатами.

Так и решили. Я направился в свои покои, дождался слуг с различными металлическими предметами (в основном, это были обломки орудий войны), и приступил к работе. Положив лом в специальный сосуд, я зажёл огонь, заготовил необходимые для ускорения и облегчения процессов ферменты и принялся растворять имеющийся металл до однородного состояния. Затем наступила очередь сепарации: необходимо отделить от получившейся субстанции чужеродные элементы, в которых семя золота содержится в абсолютно скрытом, непроявленном состоянии. Теперь очищенная масса пригодна для выращивания золота. Огонь и фермент, называемый профанами камнем философов, делали своё дело, и требуемая форма вещественности всё больше переходила из потенциального состояния в актуальное. Семя росло, желало проделать путь изнутри самого себя наружу, монада золота стремилась вырасти до размеров всей находящейся в сосуде субстанции, сделать её собою, свернув нынешнее определяющее качество обратно в монаду. К счастью, у этого процесса есть границы, ведь я не хотел выводить его за пределы сосуда для плавки, уподобляясь профану Мидасу.

Удовлетворённый качеством золота, я позволил себе отдохнуть, а перед ужином пошёл прогуляться по свежему воздуху, благо внутри замка было много укромных от глаз, но открытых ветрам мест. В одном из них меня ждало неприятное открытие: на грубо сколоченной виселице болтался небедно одетый молодой человек. По состоянию его успевшего обтрепаться палато и уровню разложения плоти я предположил, что повесили незнакомца меньше месяца назад. На дне его карманов обнаружили мелкие остатки травяной смеси: взяв её на язык, я понял, что передо мной врач. Немного побродив, я поймал юного конюха и стал задавать ему вопросы. Тот чрезвычайно перепугался, но под моим нажимом рассказал, что этот господин приехал в замок на своей повозке, имея при себе, как и я, лишь небольшой сундук. На вопрос, чем болел граф, конюх дал неожиданный ответ: болел не граф, а графиня.

Юноша убежал, а меня охватило раздражение. Почему граф ничего не сказал про свою женитьбу? Зачем он приказал казнить врача? И где, чёрт подери, сама графиня? Проклятье, моё путешествие нравилось мне всё меньше, ведь если в деле замешана женщина, жди беды. Логика и воображение нарисовали несколько возможных вариантов разыгравшейся в замке

драмы, вплоть до измены и наказания за неё, но я решил не спешить с выводами. В конце концов, для меня важно одно: чтобы вся эта история не была связана с Симпозиумом, а значит, и со мной.

В обеденной зале уже собрались гости замка. Сидели на этот раз не за круглым, а за обычным прямоугольным столом, и граф, как и положено хозяину, занял место в торце. Учёные вспоминали годы юности и делились историями из жизни. Не обошлось и без научных дискуссий, ведь не каждый день удавалось встретить собеседников, не менее просвещённых, чем ты сам. Всех интересовали успехи коллег в решении главных проблем, стоящих перед адептами всех стран. И, судя по отдельным намёкам, происходили определённые подвижки, связанные и с собственными исследованиями, и с нахождением множества античных источников, долгое время считавшихся утерянными. Правда, и количество подделок, наводнивших Европу, велико: только познания в мудрости древних могли помочь отличить переводы от выдаваемых за них собственных сочинений. Однако, несмотря на бесконечные войны, религиозные распри, зверства инквизиции, хаос и эпидемии, прогресс знания в Европе был впечатляющим.

Я украдкой поглядывал на графа, и мне удалось подметить, что его тусклое выражение лица сменялось интересом тогда, когда речь заходила об исследованиях так называемого палингенезиса – восстановления растений из пепла. А разговор возвращался к нему постоянно, ведь это одна из самых сложных проблем, решаемых алхимиками, и мало кто из нас не ставил перед собой амбициозную задачу возвращения жизненной силы тому, что уже мертво. Я тоже пытался делать это, но от ответа на вопрос об успехах предпочёл уклониться. Откровенничать совершенно не хотелось, дурные предчувствия кочевали внутри моей головы из одного уголка в другой, ощущение странности происходящего не покидало меня, хотя внешне всё выглядело вполне обычно. А корень странностей зарыт в личности хозяина замка: тот граф, которого я знал, не стал бы скрывать женитьбу и казнить доктора.

Мы разошлись по покоям, чтобы уже утром встретиться вновь. Наступил второй день Симпозиума. За каждым из адептов в залу для собраний шёл слуга, неся отлитое в разных формах золото. Его сложили в одну внушительную кучу, без сомнения, стоившую целое состояние. Граф смотрел удовлетворённо, и в его глазах даже мелькнуло какое-то живое чувство, доказывающее, что перед нами лицо, а не маска.

– Друзья, мне не хватает слов, чтобы в полной мере выразить вам свою признательность. Вы спасли меня, и если я окончу свои дни не в долговой яме или у позорного столба, то только благодаря вам. – граф помолчал, обводя глазами присутствующих. Все, похоже, рассчитывали, что Симпозиум на этом закончится, но у меня было предчувствие, что это ещё не конец. И оно не обмануло. Граф продолжил: – Но у меня к вам есть ещё одна просьба.

Мессир Рудольф фон Хагенау взмахнул рукой, и слуга отворил потайную дверь. Через секунду из неё на каталке выкатили стеклянный гроб, в котором, завернутая в белый саван, лежала молодая женщина. Лицо её, когда-то красивое, представляло кошмарное зрелище: к чумным язвам, проступившим ещё при жизни, добавились следы разложения плоти.

– Разрешите представить вам мою досточтимую супругу – Бригитта. – граф указал рукой на труп. – Это юное создание явилось мне наградой за все выпавшие на мою долю несчастья. Я полюбил её всем сердцем, но зло, окружившее меня гранитной стеной, не дремало: силы ада отняли её, вынули последнюю опору из кренящегося здания моей жизни. Я боролся, я делал всё возможное, приглашал лучших врачей округа, но они оказались способны только брать с меня деньги. И она ушла. Но я не желаю мириться с этим и прошу вас применить свои знания для её воскрешения.

Руки графа тряслись, он волновался, говорил сбивчиво. Возможно, он рассчитывал на понимание и сочувствие, но выражения лиц присутствующих говорили о том, что в этот раз желающих броситься на помощь графу не было. Сам я испытал острое чувство гнева, и впервые за время Симпозиума разразился тирадой:

– Прежде всего, уважаемый граф, вам не стоило обманывать нас и скрывать подлинную причину созыва Симпозиума. Хотя, я думаю, вы понимали, что укажи вы её прямо, никто бы не явился, потому что воскрешать мертвеца – безумие. Впрочем, я не раз говорил, что любовь к женщине – худший вид безумия. Это безумие профанов, ведь истинное безумие позволяет видеть то, что выше вещей, а любовь к женщине лишает даже возможности видеть сами вещи такими, каковы они есть.

– Но разве не вы вчера говорили о воссоздании растений из пепла? – Рудольф решил так просто не сдаваться.

– Действительно, теоретически такая возможность существует, – тщательно подбирая слова, произнёс Янус Баптиста. – Палингенезис действительно занимает умы адептов тайного знания. Но мне не известно, удалось ли кому-нибудь осуществить подобное с человеком.

– Ведь растение – это всё же не человек! – воскликнул Синезиус. – Хотя общий механизм на всех уровнях бытия должен быть одним и тем же, силы, которые нужно привести в движение, различаются.

Граф в отчаянии опустил голову. Затем он решительно вскинул её вверх и, вперив в сидящих учёных совершенно сумасшедший взгляд, начал кричать:

– Вы даже не хотите попытаться! Но разве эта несчастная молодая женщина заслуживает того, чтобы умереть в расцвете лет? Не ради меня, ради неё, сделайте что-нибудь!

– Я знаю, нас многие считают волшебниками, но магия – это не волшебство из крестьянских сказок... – я всё ещё надеялся образумить графа. – То, чем занимаемся мы – это наука, основанная на знании законов природы. Знание законов позволяет воздействовать на природу, но мы, её жрецы, не вправе идти против них. Ведь законы установлены абсолютным и универсальным духом, известном вам под именем Бога, и они не могут меняться в зависимости от броска костей. Если мы будем противиться воле создателя, установившего естественный ход вещей, то станут возможно такое, от чего вы первый возопиёте от ужаса.

– Так значит, воспротивиться Его воле всё-таки можно? – вскричал граф. – Стража, запирайте все входы и выходы в замке, особенно крепко запирайте эту залу. Ни один человек не выйдет отсюда без моего разрешения. А вы все – граф обвёл нас рукой – умрёте, если не попытаетесь воскресить мою Бригитту!

Это уже слишком. Возмущение присутствующих было велико. Несмотря на слова о признательности, граф за доброту к нему отплатил чёрной неблагодарностью. Вот оно, лучшее доказательство безумства, в которое людей вталкивает любовь к женщине! Призывы к графу покончить с этой затянувшейся дурной шуткой не возымели действия, и нужно было искать иной выход. Мне не улыбалась перспектива умереть в вотчине сумасшедшего аристократа, а с другой стороны, вдруг захотелось проучить графа, решившего сыграть с Богом в эту нелепую игру. Да и жалость к ушедшей в пору расцвета Бригитте росла во мне, словно волна после морского землетрясения. И тогда я решительно встал и заявил, что берусь поставить этот эксперимент на глазах у всех. Графиня снова будет жить.

– Что для этого требуется? – воодушевлению вдовца не было предела.

– Для этого нужно повторить тот путь, которым металл превращается в золото, ведь, как верно заметил многоуважаемый Синезиус, в мире всё едино, что наверху, то и внизу. Каждая отдельная вещь состоит из духовной части и материальной. Сама по себе материя потенциально может быть какой угодно вещью, в скрытой форме в ней содержатся семена всего. А конкретной вещью она становится путём истечения в неё духовной части вещи. Эта духовная часть (я обычно называю её археусом) есть проявление универсального духа, который являет собою единство всех форм до их отделения и истечения в материю. Именно так последняя становится оформленной, получая своё уникальное качество. А после того, как материя умирает, археус возвращается в универсальный первоисточник, но не сразу. До полного разложения плоти он присутствует рядом с ней. Именно на этом основана вера простонародья в при-

зраков: археус человека некоторое время присутствует рядом с мёртвой плотью и даже может являться нашему взору.

– И вы хотите вернуть эту духовную часть Бригитты обратно в её тело? – хотя граф усердно следил за ходом моей мысли, понять суть плана ему было непросто. Тем более что важнейшую его часть я собирался скрыть от него.

– Не совсем так... – я многозначительно улыбнулся. – Любой отдельный человек, как и любая вещь, уже является сотворённым до фактического рождения, просто он существует в виде спящего семени внутри какой-то материи, ждущей оплодотворения истечением универсального духа. Когда это происходит, материя обретает археус и семя пробуждается, растёт, а эта материя из бесформенной потенциальности становится конкретной актуальной личностью. Если археус Бригитты не вернулся в первоисточник и находится где-то поблизости, то и семя продолжает быть в активном, проявленном состоянии. Нужно лишь найти такую материю, в которой оно наиболее активно, и вырастить его в ней. Здесь то же самое, как с золотом: в каждом металле семена золота более активны, чем, скажем, в теле животного, поэтому мы выращиваем золото в металлах, а не в животных. Хотя могли бы, конечно.

– Где же мы найдём такую материю?

– Предоставьте это мне, мессир.

– Что ж, давайте приступим к работе... – было видно, что растерявшийся граф до конца не понял, что я хочу сделать. Да и куда ему, если даже некоторые мои коллеги сидели с недоверчивыми выражениями лиц. Что ж, это было мне на руку.

– Скажите, мессир Рудольф, вы видите Бригитту во снах?

– Каждый день! – выкрикнул он запальчиво.

– Отлично. Дорогой Бернар, будьте любезны, усыпите нас.

Не без уговоров согласился граф впасть в сон, но выбора у него не было. Когда под воздействием колебаний груза на нитке мои веки опустились, я оказался в сумрачном коридоре замка. Некоторое время вокруг звенела тишина, но затем уши начали различать тихий напев. Идя на звук, я очутился возле спальни и тихо вошёл. Из-за плотных гобеленов в комнате было темно, лишь масляная лампа давала немного света. Бригитта сидела возле постели, вышивала на льняном полотне какие-то узоры и пела о любви. Я подошёл к ней, заглянул в испуганные глаза и заверил, что не причиню зла. Она была невыразимо прекрасна, и моё негодование по отношению к графу утихло.

– Бригитта, меня зовут Теофраст, я врач. Меня послал ваш супруг Рудольф. Вы ещё не знаете этого, но в вашем духовном теле поселились тёмные духи. Они разрушают его, а вслед за этим разрушится и физическая оболочка. Но я изгоню духов и вылечу вас. Вам нужно лишь выпить немного лекарства. – Я вынул из внутреннего кармана плаща маленькую склянку, которую всегда держал при себе. В ней содержался красный порошок, так называемый камень алхимиков, крупицу которого я бросил в графин с водой, а затем налил из него полный бокал и протянул Бригитте.

– Вас правда послал Рудольф? – Недоверчиво спросила она, переводя испуганный взгляд со стакана на меня и обратно.

– Можете не сомневаться, – заверил я молодую женщину и сам сделал глоток, чтобы её успокоить.

Тогда она взяла бокал из моих рук и выпила. Сразу после этого я схватил со стола масляную лампу и облил её содержимым платье Бригитты. То вспыхнуло, как факел, и комната озарилась светом. Графиня начала кричать и звать на помощь. Её кожа покрывалась волдырями, золотые волосы потрескивали и сворачивались в чёрные обугленные комочки. Наконец, Бригитта упала на пол и стала кататься по нему в муках и корчах, безуспешно пытаясь погасить пламя. Её полный отчаяния и укора взгляд пронзил меня до основания существа. Но вместо

того, чтобы помочь ей, я лишь смотрел, как она превращается в груды пепла, и тихо проговаривал слова секретной молитвы, известной лишь посвящённым:

– О, Святая Троица, единая и неразделённая! Погрузи Бригитту в глубины твоего вечного Огня, жар которого обращает смертную природу человека в прах, а свет рождает новое тело из соединения элементов. О, Троица, расплавь Бригитту, раствори её в своих огненных водах и скрепи светом новой жизни, чтобы Святой Дух вынес её из юдоли праха и тлена, оживив своим дыханием и дав новое рождение. Пусть она будет возвышена через унижение Твоего Сына, восстав с Его помощью из пыли и пепла и обретя духовное тело чистое, словно кристально прозрачное райское золото. Пусть её природа будет искуплена и очищена, подобно элементам в ретортах, рождающим золото. О, Троица, пусть Огонь твоей любви примет новое топливо и запылает так ярко, что ничто не сможет потушить его. Амен.

Я открыл глаза и посмотрел на графа. Тот продолжал метаться во сне; пот струился по его разгорячённому лицу. Мне пришлось тряхнуть его за плечи, чтобы разбудить. Первое секунды он не понимал, где находится, пугливо озираясь вокруг.

– Поздравляю вас, месье Рудольф! Вы удостоились чести уподобиться самому Зевсу, из головы которого родилась премудрая Афина.

Граф кинулся к гробу и, увидев, что с мёртвым телом не произошло никаких изменений, кинулся на меня с бранью.

– Что, чёрт вас дерит, произошло? Где моя Бригитта? – Он схватился за живот и присел на стул. – О, дьявол, как больно...

Он продолжал стонать, осыпая всех присутствующих проклятиями. Затем граф повалился на пол и принялся срывать с себя одежды. Его живот изрядно распух и продолжал увеличиваться в размерах.

– Что ты со мной сделал, проклятый колдун? Стража, схватите его и повесьте! – кричал страдалец.

Однако стражники были настолько напуганы происходящим, что сочли благом не приближаться. А у несчастного владельца замка, тем временем, изо рта и носа хлынули потоки крови. Живот же продолжал расти, пока, наконец, не замер, приняв округлую форму. Замер и граф, продолжая лишь громко стонать и молить о помощи. Тогда я достал из отворота сапога небольшой нож и стал вспарывать месье Рудольфу живот. Наконец, я извлёк оттуда маленькую девочку, мокрую от слизи и крови. Выражение переходящего в ужас изумления стало последним, что запечатлелось на лице скончавшегося графа. Держа девочку в руках, я обратился к потрясённым коллегам:

– Знакомьтесь, это Бригитта. Отныне она единственная законная владелица замка. Благо, золотом новорожденная вдова теперь обеспечена. На этом разрешите мне завершить наш Симпозиум.

К счастью, возражающих не нашлось.

Археус

«Вот мой город, его тесные улочки, дома из дерева и редкого камня, устремлённый в высь шпиль собора. Словно и не было долгой разлуки, словно я тот юноша, что бродил здесь прежде, полный дум, надежд и мечтаний. Вот мой дом, он тёмн и пуст, не встречают меня постаревшие, но по-прежнему родные лица. Не дождались мать и отец, разбрелись братья, наполняют уютom чужие дома сёстры. И старый дом погрузился в воспоминания, прислушивается к неслышно звенящим между стен звукам, ждёт хозяйской руки, способной победить тлен и хаос.

Дождалась ли меня та, что клялась в верности? Ах, стоит ли вспоминать порывы юности, тревожить призраков минувшего? Но я бреду к её дому, ищу её окно, страшась и вместе с тем надеясь. Дождусь ночи и явлюсь ей, бедный рыцарь, достойный своей прекрасной дамы, не предавший клятв и сдержавший слово проявить доблесть в далёком походе во славу Господню».

«Июльская ночь не терпит плотных одежд и запертых ставней, не любит одиночества и грусти, она будит воображение и шлёт послания порывами тёплого ветра. И я отвечаю ей, подставляю ветру лицо и пускаю ночной воздух внутрь. Что-то входит – в окно, в комнату, в меня, и милые образы минувшего встают перед полуприкрытыми очами. То ли это уже сон, то ли память слишком жива, но я вижу того, кого долго ждала и кого так устала ждать. Или это всего лишь полночный морок? Только я потеряла надежду и отпустила тебя, не похоронила, а отпустила, надеясь на твоё и своё счастье, как ты являешься мне призрачным видением. Или это лишь сон, и мои волосы теребит ветер...»

«Я пришёл. Всё это время я был в пути, сначала туда, бесконечно долго и трудно, и я дрался и побеждал. Затем обратно, ещё дольше и труднее, словно Господь, проникшись благодарностью за наш подвиг во имя его святынь, не хотел отпускать меня. Или то была, напротив, месть за вторжение в место его векового покоя? Хотя нет в той земле покоя, народы сме-

няют друг друга, как волны, шумят и пенятся, что-то приносят с собой и что-то уносят. И сами уносятся в туман бесконечного моря человеческого. Я ушёл, и шёл долго, дорога полна опасностей и невзгод, всё по чужим недружелюбным землям. Открывались пред нами врата, когда нас было много, закрылись врата, когда я остался один. Но я шёл, а смерть шла за мной следом, принимая разные обличья. Смотрел я на её маски, подчас уродливые и покрытые язвами, подчас прекрасные и соблазнительные, но за каждой угадывал её, царицу вселенской пустоты, ставшую моей тенью.

В лесу возле города состоялось наше последнее свидание. Послала она своих сватов – лесных разбойников, отпетых душегубов, чтобы скрепили они наш союз вечной печатью, обвенчали нас в прохладе чащобы. Но снова отверг я ухаживания искусительницы, не принял её даров, о, пламенная любовь моей юности...»

«Я не знаю, верить ли тебе... Правда ли ты остался верен мне в столь долгом и опасном странствии, не прельстился ли посулами многоопытной соблазнительницы, всегда готовой даровать уставшим ласку и отдохновение, утишение боли и умаление страданий. Ведь вижу я на тебе следы её касаний, чувствую запах, горький аромат земли. И сам ты, словно со мной и не со мной, вот твой дух, вот твой образ, лёгкий эфир, колеблемый тёплым ветром ночным. Но где ты сам, где твоя мужественная плоть, где тяжесть рук, где звучность голоса? И пришёл ты ко мне, и не пришёл, или всё это сон, дразнящий меня ликом того, кого я уже отпустила, не похоронила, а отпустила, надеясь на его и своё счастье».

«Уменьшил я бесконечное пространство между нами до расстояния касания, но эту последнюю преграду мне не одолеть... О, коварство судьбы, не дотянуться мне до тебя, будто не властелин я телу моему, будто лишился его и парю в бесплотной пустоте. Хочу согреть тебя в объятиях, но лишь холод разливается вокруг, споря с жаром июльской ночи, и зябнешь ты, ещё более одинокая, чем прежде. Хочу кричать тебе о любви, но великая немота обуяла меня, тишина воссела на трон неколебимого царства вечной беззвучности. Я стою прямо перед тобой, но не могу обмануть твои глаза».

«Как холодно, как страшно сделалось в милой обители моей, словно не вдвоём мы здесь, и множество глаз смотрит на меня оттуда, из мира вечного „может быть“, и они зовут меня к себе, наполняя именем моим расползающиеся вокруг каверны. Не того я ждала эти годы, не такого тебя, ждала своего, а вернулся чужой, принадлежащий не мне, а вечной сопернице людской. О, как часто мы вспоминаем слово „вечность“... И снова я отпускаю тебя, не хороню, а отпускаю, оставь меня здесь, я не готова проститься с солнцем, пением птиц, зеленью трав, лаской материнской руки... Я останусь здесь, а ты отправляйся в своё бесконечное странствие по мирам познанным и непознанным со своей подругой тенью. Ты человек пути. Ушедши, иди».

«И снова тесные улочки родного города, готовый проткнуть луну шпиль собора, старый дом, понимающий мою печаль без слов. Но прочь отсюда, всегда вперёд, нет больше преград и границ. Я вернулся в лес, нашёл израненную одежду духа, омытую ночной росой. Только сейчас я понял, насколько наг. Но я не одинок, ведь много тех, кому не нашлось места в империи полудня. И мы ищем врата, предо мной открылись врата в град земной, теперь мой путь – в град небесный, призывно сияющий по ту сторону долгой и тёмной ночи».

Интендант

Звон колокола в неурочное время показался Готфриду тревожным и сулящим непредвиденное. Так и оказалось: на собрании находящихся в замке членов ордена комендант объявил о восстании пруссов. Рано или поздно чего-то подобного следовало ожидать, ведь та лёгкость, с которой Тевтонский орден продвигался на север и северо-восток, могла быть обманчивой: местные племена слишком строптивы, чтобы легко покориться германскому оружию и принесённой орденом религии. Ведь неспроста здесь, вблизи мощных христианских государств, смогло так надолго сохраниться язычество.

Тем не менее, магистрат Германа фон Зальцы принёс свои плоды: орден продвинулся далеко во владения пруссов, построил несколько замков-укреплений, а крест стал не менее эффективным оружием, чем меч. Однако язычники решили показать, что экспансия тевтонцев не будет слишком лёгкой задачей. Казалось, пруссы неслучайно восстали именно сейчас, ведь после смерти Германа и его преемника Конрада Тюрингского верх взяла пропалестинская партия во главе с новым магистром Герхардом фон Мальбергом. Значительные силы ордена были стянуты на борьбу с мусульманами за сохранение христианского королевства в Святой земле, а завоевания тевтонов в балтийских землях оказались без должной защиты. Вот и сейчас в замке насчитывалась всего пара десятков рыцарей, да ещё сотня пеших воинов, да ещё мужичье из колонистов, чего было явно недостаточно для успешного отражения натиска прусских племён. Хотя никто не знал численность восставших, схватка обещала быть свирепой, но стены замка крепки, а запас провианта позволял не бояться долгой осады. Уж об этом Готфрид, интендант замка, позаботился.

Однако не только количество пищи, воды и оружия беспокоило его. По взглядам, которые комендант, он же командор гарнизона, то и дело бросал на Готфрида, тот догадался, что от него ждут большего, чем выполнение обязанностей интенданта. Уж слишком легкомысленным расточительством казалось пребывание могучего воина в ризе монашеского смирения. В мирное время на это можно было закрыть глаза, но надвигавшаяся угроза давала коменданту право надеяться, что место ризы займёт железный панцирь с чёрным крестом. Однако в последовавшем за собранием разговоре с глазу на глаз Готфрид подтвердил командору своё неже-

ление снова брать в руки меч и попенял на непонимание важности религиозной задачи ордена. Война – лишь средство нести слово божие, и горе тем, кто делает её своей целью. Командор, далёкий от святости стареющий рыцарь, видевший крови не меньше, чем вина, едва ли понял Готфрида, ведь на что тогда орден всюду таскает этих ленивых папских прихвостней, разве не их дело распевать гимны, в то время как доблестные воины сажают язычников на копья? «Это наше общее дело» – получил он короткий ответ и отбыл ни с чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.